

УДК 339.543.624+330.357

Сиденко В.Р.*

ВЛИЯНИЕ ЗОН СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ТЕМПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация Рассмотрены эффекты, порождаемые зонами свободной торговли для динамики благосостояния и ВВП, определяется их размерность и возможные негативные последствия. Обобщены результаты исследований относительно эффектов режимов свободной торговли в ключевых региональных объединениях – ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН и др.

Ключевые слова: зона свободной торговли, экономический эффект, благосостояние, экономический рост.

The article analyses effects produced by free trade areas in regard to welfare and GDP dynamics, including their dimensions and possible negative outcomes. It summarises the research results dealing with effects of free trade regimes in key regional blocs – EC, NAFTA, MERCOSUR, ASEAN, and others.

В последнее время в Украине актуализировались исследования по вопросам эффективности создания зон свободной торговли (ЗСТ) с различными странами и объединениями. Это обусловлено поиском оптимальной политики их формирования в условиях наличия конкурирующих проектов региональной интеграции, выходящих за узкие рамки режима ЗСТ. При этом чрезвычайно большое значение имеет обоснование порождаемых различными вариантами региональной интеграции экономических эффектов для роста благосостояния и ВВП, равно как и для других макроэкономических параметров развития.

В рамках ведущихся дискуссий обозначились два основных лагеря: одни отстаивают безусловное преимущество создания глубокой и всеохватывающей ЗСТ с ЕС¹, другие – отстаивают идею о громадных преимуществах интеграции в постсоветское пространство². Похоже, что оперирование большими цифрами возможных выигрышей становится в условиях значительной идеологизации процесса выбора важным инструментом политической борьбы. И в этом кроется большая опасность принятия неадекватных решений.

Целью данного исследования является не ведение полемики с приверженцами того или другого приоритета интеграционной политики, а обобщение имеющихся исследований для как можно более объективного определения видов и возможной размерности экономических эффектов от ЗСТ. Применяемые при этом методы включают теоретический и экономико-статистический анализ и синтез, сравнительный анализ, экономико-математические методы расчета экономической эффективности. Ниже приведены основные результаты проведенного исследования.

¹ Наиболее известное из исследований, лежащих в указанном русле выполнено совместно Центром европейских политических исследований (CEPS), Брюссель, Институтом мировой экономики (IfW), Киль и Международным центром перспективных исследований, Киев [10; 31]. В этом же фарватере лежат исследования Института экономических исследований и политических консультаций под руководством И.В. Бураковского [2; 6], Центра социально-экономических исследований CASE Украина [3; 5].

² Наиболее показательным является здесь позиция Правительственного уполномоченного по вопросам сотрудничества с РФ, СНГ, ЕврАзЭС и другими региональными объединениями В.И. Мунтяна [7].

* Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

Общие свойства различных ЗСТ

Методологические подходы

Эффекты воздействия ЗСТ на благосостояние и темпы роста экономики трудно вычислимы и требуют применения сложного экономико-математического инструментария, который очень чувствителен к исходным предположениям модели и качеству статистических данных и, в силу этого, как правило, дает достаточно приблизительное представление о возможных в действительности результатах. При этом мы сталкиваемся с чрезвычайно большим разбросом в индикаторах такого влияния, обусловленных априорным выдвиганием тех или иных предположений, многие из которых не являются не только безусловными истинами, но и достаточно надежными гипотезами. Это, в свою очередь, предопределяет огромный разброс оценок между авторами различных исследований, с одной стороны, и существенное отклонение реальных результатов от прогнозируемых.

Справедливость вышеприведенного тезиса становится очевидной уже при анализе публикаций, вышедших в Украине по вопросу о преимуществах ЗСТ с ЕС. Так, если исследование CEPS [10, с. 10, 27] указывает в различных вариантах 4–7 % выигрыша для благосостояния Украины, то в исследовании ECORYS–CASE от 2007 г. [5, с. 26, 50] – 5,3 %, а в CASE–CASE Украина от 2006 г. [3, с. 46] – лишь 1–2 %.

Однако проблема не столько в разбросе указанных показателей, сколько в самом методологическом подходе, лежащем в основе применяемых экономико-математических моделей. Одним из важнейших постулатов здесь является положение о том, что рост торговли всегда ведет к росту благосостояния, а отклонение торговли – к его снижению. С точки зрения неоклассических моделей торговой политики – это, видимо, так; но с позиций новой теории торговли – вовсе не обязательно, хотя в большинстве случаев такой эффект, действительно имеет место. Не всегда имеет место и благотворное влияние конкуренции: она вполне может иметь и разрушительный характер, когда недостаточно конкурентоспособные фирмы не совершенствуют свои технологии, а просто исчезают с рынка. Это в особенности важно для стран, чье отставание по уровню конкурентоспособности носит системный характер и обусловлено чрезмерно большой неадекватностью в качестве институтов рыночной экономики.

Попытка увидеть непреложные истины там, где их нет, приводит иногда к парадоксальным выводам, например, относительно того, что чем шире сфера охвата регионального интеграционного процесса, тем больше эффект интеграции (пример такого подхода содержится в [42]). – Но зачем тогда вообще региональный формат интеграции, если это действительно так, если региональная интеграция всегда проигрывает по эффективности глобальной?

Сравнение оценок, содержащихся в исследованиях, выполненных *ex ante*, с исследованиями в режиме *ex post* и тем более с реально достигнутыми результатами развития, убедительно свидетельствуют о наличии в сфере региональной интеграционной политики своего рода синдрома завышенных интеграционных ожиданий.

Ярким примером таких высоких ожиданий были расчеты постсоциалистических стран ЦВЕ в отношении эффективности их присоединения к ЕС. Так, оценки чистых преимуществ, которые могли получить 10 стран ЦВЕ от вступления в ЕС, по оценкам специалистов Института экономики РАН, варьировали от «существенных» до «очень существенных»: в долгосрочном плане – 2,5–30 млрд. экю, не считая трансфертов на развитие фермерских хозяйств (23 млрд. экю) и структурную перестройку (50 млрд. экю) [4, с. 335; 8, с. 316]. И дело даже не в том, что 73 млрд. трансфертов некорректно учиты-

вать как «эффект от интеграции» (ибо это вспомоществование, соответствующее уменьшение доходов других стран сообщества, а не результат собственной более эффективной деятельности в европейском пространстве), и не в том, что в относительных величинах реальный долгосрочный эффект составляет лишь 0,5–5,4 % ВВП указанных 10 стран за 2004 г. А дело прежде всего в том, что глобальный кризис 2008–2009 гг. показал эфемерность расчетов роста благосостояния за счет преимущественно внешних факторов для целой группы стран ЦВЕ, включая Венгрию, Латвию и Литву, а также испытывающих большие адаптационные трудности Болгарии и Румынии. И в гораздо лучшей ситуации оказались те страны, где использование интеграции оперлось на эффективную внутреннюю политику трансформаций и наращивания эндогенного потенциала.

Таким образом, в вопросах определения экономической эффективности создания ЗСТ или режимов свободной торговли в рамках более высоких форм интеграционного взаимодействия необходимо проявлять чрезвычайную осторожность и избегать попадания в ловушки, создаваемые исследовательскими стереотипами.

Виды и масштабы статических и динамических эффектов

Создание ЗСТ приводит к формированию двух основных групп экономических эффектов – статических и динамических. Если первые связаны с процессами перераспределения существующих запасов капитала, труда, иных материальных и нематериальных ресурсов, то вторые обусловлены воздействием на производственные мощности, производительность факторов [9, с. 284].

Основы понимания статических эффектов заложены еще Дж. Вайнером (J. Viner) [43], который ввел различие эффектов расширения торговли (trade creation) и отклонения торговли (trade diversion). ЗСТ, ликвидируя барьеры для торговли, создает эффект замещения неэффективного отечественного производства с более высокими затратами (и часто более низким качеством) импортом из стран – участниц ЗСТ. Тем самым совокупные издержки падают и благосостояние растет. Но одновременно ЗСТ создает искусственные преференции для торговли стран-членов сравнительно с торговлей с третьими странами, что ведет к неэффективному замещению импорта из третьих стран импортом из стран-партнеров.

К числу статических эффектов ЗСТ следует отнести также и снижение административных расходов, связанных с осуществлением торговых операций (транзакционных издержек), что обусловлено упрощением процедур таможенного оформления, некоторым упрощением системы контроля за движением товаров. Определенную роль играет и улучшение – вследствие укрепления рыночных позиций участников ЗСТ – общих условий торговли в торговле с третьими странами сравнительно с теми, условиями, которые может достичь страна самостоятельно [1, с. 237–238].

Динамические эффекты связаны, во-первых, с расширением рыночного пространства для производителей из стран-участниц ЗСТ, что ведет к расширению производства и созданию новых рабочих мест; во-вторых, с усилением конкуренции, стимулирующей повышение качества, снижение издержек и внедрение инноваций, сокращение неэффективных производств; в-третьих, к стимулированию прямых инвестиций из-за пределов ЗСТ, поскольку фирмы из третьих стран стремятся таким образом сохранить свои позиции на преференциальном рыночном пространстве; в-четвертых, ускоренное развитие инфраструктуры, поддерживающей возросшие масштабы рыночной деятельности; в-пятых, усиление позитивного восприятия перспектив развития региона со стороны компаний и инвесторов, что также способствует долговременному усилению их активности.

Имеющие в научной литературе исследования относительно масштабов возможного выигрыша в благосостоянии от создания ЗСТ – при всем разнообразии существующих оценок для сферы интеграции рынков – измеряется, как правило, или в пределах 1 % ВВП, или немного выше указанной величины – что значительно уступает эффектам, порожаемым факторами инвестиций и технологий и политикой их оптимизации.

Однако вышеуказанная величина связана прежде всего именно со статическими эффектами. Так, Р. Болдуином (Baldwin) и др. [14; 35] была использована модель эндогенного экономического развития, позволяющая учесть прежде всего не традиционный эффект статической аллокации ресурсов, а т.н. «динамический эффект» – от инноваций, роста производительности и ускорения темпов роста выпуска и доходов (модели, представляющие т.н. «новую» теорию роста); в данном случае – это динамический эффект торговли Гроссмана–Хелпмана (Grossman–Helpman). Но даже с учетом того, что динамические эффекты рынков могут быть заметно большими, чем статические (аллокационные) эффекты, все равно, по своей размерности они не имеют критически большого значения для развития. Справедливость этого убедительно продемонстрировал Китай – страна, которая в течение последних трех десятилетий стабильно сохраняла уникально высокие темпы экономического роста и качественного развития экономики, не прибегала к сколько-нибудь активному участию в процессах создания ЗСТ и других форматов региональной экономической интеграции.

Однако практически все вышеуказанные долговременные эффекты, тесно связанные с использованием преимуществ больших пространств, развитием в них инноваций, не являются безусловными в своем действии. Они опосредуются параметрами внутренней рыночной среды, степенью достигнутой институциональной зрелости и реализуются лишь в рамках адекватной политики развития, которая вовсе не обязательно сопровождает формирование и реализацию региональных соглашений по либерализации торговли. И при недостаточности такой политики потенциально позитивные эффекты расширенного рыночного пространства вполне могут обернуться явлениями неконкурентоспособности и структурной деградации. К примеру, эти эффекты могут вполне быть заблокированы, если в рамках более широкого экономического пространства будет возрасти конкуренция, а олигополия, как это показали, к примеру, Арди и Эль-Аграа (Ardy El-Agraa 2007) [13].

Сравнение эффектов от ЗСТ и от более высоких стадий интеграции

В имеющихся исследованиях теоретически обоснована существенная зависимость уровня получаемой выгоды от интеграции от достигнутой стадии интеграционного процесса: для низших стадий выгоды, как правило, минимальны, но они имеют склонность возрастать при продвижении на более высокие уровни интеграции [38, с. 16–17, 366].

Так, при валютной интеграции совокупный эффект может быть достаточно ощутимым. В исследовании, выполненном позднее в отношении 12 стран – членов ЕС, эффект роста благосостояния от валютной интеграции определен в размере 11,1 %, а для 15 стран – 14,4 % [11, с. 34]. Если это так, то говорит о том, что валютная интеграция в принципе может давать существенно больший выигрыш в терминах ВВП, чем интеграция на основе объединения рынков товаров и услуг.

То есть, в целом уровень получаемой выгоды от ЗСТ существенно ниже, чем от более высоких стадий интеграции, что подчеркивает важную зависимость размерности возможных экономических эффектов от стадии развития интеграции. Увеличение размерности выгод от развития региональных интеграционных процессов, как показывают некоторые исследования, имеет преимущественно стратегический характер, связанный с

крупными качественными изменениями в экономике, а не с текущими, легко реализуемыми выгодами, вытекающими из простой либерализации торговли. Хотя многие адепты создания ЗСТ обращают внимание прежде всего на эти краткосрочные преимущества.

Возможные негативные эффекты ЗСТ

Даже признание в целом позитивного влияния ЗСТ на благосостояние и экономический рост не исключает возможности проявления отрицательного воздействия в зависимости от конкретных условий заключения соглашения о ЗСТ. В этом аспекте следует обратить внимание, что эффект масштаба в рамках более широкого рыночного пространства вполне может проявляться прежде всего в старых отраслях, а не в отраслях – технологических лидерах [37].

Кроме того, важно с особой осторожностью относиться к интеграции стран с сильно различающимися уровнями развития: по крайней мере, в некоторых моделях были получены результаты, свидетельствующие об отсутствии заметных положительных эффектов [23] или об отрицательных эффектах [11, с. 27–36; 41] для Мексики от объединения НАФТА, что может быть обусловлено как неблагоприятными эффектами «условий торговли», так и тем, что недостаток благоприятных рыночных условий мешает проявлению эффекта ценовой трансмиссии (price transmission effect), а в некоторых сегментах рынки труда не реагируют на изменения в относительных ценах.

Специфические особенности: опыт отдельных соглашений

1. Режим свободной торговли в рамках ЕЭС (ЕС)

Первичные оценки в указанной области исследований оперировали исключительно статическими эффектами. Так, исследования совокупного торгового эффекта от интеграции на ее первой и второй стадии в рамках ЕЭС показали, что эффект от создания торговли на первом этапе интеграции (1961–1972 гг.) варьировал, по разным оценкам, от \$9,2 млрд. до \$19,8 млрд., тогда как отклонение торговли составило в этот же период от –\$2,5 млрд. до \$0,5 млрд. Для второй стадии интеграции (1974–1981 гг.), после расширения ЕС в 1973 г., создание торговли принесло \$11–17 млрд., тогда как потери от отклонения торговли составили \$2 млрд. [30, с. 180–184].

Статический подход применялся вначале и к оценке эффектов от завершения интеграции европейского рынка в результате принятия в 1992 г. Программы единого рынка (ПЕР), причем они вначале оценивались достаточно высоко – до 5 % ВВП (включая эффекты от либерализации, эффекты от увеличения масштаба и усиления конкуренции) [17; 25; 26]. В наиболее известном официальном исследовании подобного рода, опубликованном в 1988 г. Европейской Комиссией (т.н. «Доклад Чеккини» – Cecchini Report) [20]³, предсказывались такие эффекты от реализации ПЕР: средний выигрыш для 12 стран-членов ЕЭС на тот момент в терминах ВВП – 170–250 млрд. экю (ныне евро), или 4,25–6,5 % ВВП – при микроэкономической оценке (табл. 1) и 4,5–7,0 % – при макроэкономическом моделировании (табл. 2). При этом микроэкономический выигрыш обеспечивался ликвидацией прямых издержек от соблюдения пограничных формальностей и связанных с ними административных издержек (примерно 1,8 % стоимости торговли товарами), а также других барьеров (технических регламентов и др.) – почти 2 % совокупных издержек компаний; вместе это 0,5 % добавленной стоимости в промышленности. К этому добавлялись не прямые выгоды в виде снижения издержек и цен (на 10–20 % и более) от ликвидации ограничений на доступ к рынку; экономии от увеличения масштаба

³ Доклад Чеккини был фактически резюме выполненного под эгидой Еврокомиссии исследования от 1988 г. под руководством М. Эмерсона – т.н. «Доклада Эмерсона» [25; 26].

(снижение затрат на 1–7 % примерно в трети отраслей промышленности); выигрыш от усиления конкуренции (снижение накладных расходов, переукомплектованности штатов и неэффективного управления запасами); снижение цен на монополизируемых рынках.

Однако доклады Чеккини и Эмерсона были в дальнейшем подвергнуты острой критике рядом авторитетных исследователей. Так, Эль-Аграа (El-Agraa) и Арди (Ardu) [13, с. 140–142] констатировали умозрительность использованного подхода, в основе которого лежал искусственно сконструированный идеал объединенного рынка (малые дисперсии цен, фирмы, действующие на всем пространстве европейского рынка), когда все выигрыши рассчитывались как цена отступления от этого идеала. При этом, в частности, обращается внимание, что реальная картина – это увеличение числа слияний и поглощений на объединенном рынке, что ведет к олигополии, а вовсе не к снижению цен посредством конкуренции [24, с. 487]. Отмечалось, что в целом лишь некоторые отрасли реально получают выигрыш от либерализации рынков [16; 29; 40].

В модели Mercenier [37, с. 137–138] было показано, что реально эффекты увеличения благосостояния от завершения ПЕР ограничиваются лишь реаллокацией существующих ресурсов и едва превышают 1 %, за исключением Великобритании и Германии, причем возможны негативные эффекты благосостояния, порождаемые в более интегрированных отраслях промышленности. Так, эффект экономии от увеличения масштаба имеет отношение лишь к «заходящим» (sunset) промышленным отраслям, тогда как большая часть роста мировой экономики с 1995 г. наблюдалась в «восходящих» (sunrise) отраслях, таких как информационные технологии. Улучшить отмеченную выше картину можно лишь существенными изменениями в экономической политике государства и частных компаний.

Таблица 1.
Микроэкономические оценки потенциального экономического выигрыша от завершения создания внутреннего рынка ЕЭС, содержащиеся в «Докладе Чеккини»

№	Виды выигрыша	Млрд. экю	% ВВП
1.	От ликвидации барьеров для торговли	8–9	0,2–0,3
2.	От ликвидации барьеров, влияющих на производство	57–71	2,0–2,4
3.	<i>Всего от ликвидации барьеров</i>	<i>65–80</i>	<i>2,2–2,7</i>
4.	От более полного использования экономии от увеличения масштаба	61	2.1
5.	От усиления конкуренции, уменьшающей неэффективность бизнеса и монопольные цены	46	1.6
6.	<i>Всего от интеграции рынков</i>	<i>62⁴–107</i>	<i>2,1⁴–3,7</i>
Совокупный выигрыш			
7.	<i>для 7 стран-членов в ценах 1985 г.</i>	<i>127–187</i>	<i>4,25–6,5</i>
	<i>для 12 стран-членов в ценах 1988 г.</i>	<i>170–250</i>	<i>4,25–6,5</i>

Примечание. Все показатели, кроме указанных в позиции 7, рассчитаны для семи стран – членов ЕЭС (Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Франции) в ценах 1985 г. с последующим калиброванием их в ценах 1988 г. для 12 стран-членов ЕЭС.

Источник: Commission of the European Communities [20, Table 1].

⁴ Данный минимальный суммарный показатель не разбивался на позиции 4 и 5.

Таблица 2.

Макроэкономические оценки потенциального экономического выигрыша от интеграции рынка ЕЭС в сочетании с мерами экономической политики, содержащиеся в «Докладе Чеккини»

Характер экономической политики	Экономические последствия				
	ВВП (%)	Потребительские цены (%)	Занятость (млн.)	Дефицит госбюджета (% ВВП)	Внешний баланс (% ВВП)
Без дополняющих мер экономической политики	4,5	-6,1	1,8	2,2	1
С дополняющими мерами экономической политики	7	-4,5	5	0,4	-0,2
Предельная ошибка			± 30 %		

Примечание. Рассчитано с использованием имитационных моделей HERMES и INTERLINK.

Представленные эффекты относятся к среднесрочному периоду.

Дополняющие меры экономической политики включают в себя увеличение государственных инвестиций и снижение налогов.

Источник: Commission of the European Communities [20, Table 2].

А Нойбергер (Neuberger) [39] обосновал, что цифры в Докладе Чеккини абсолютно не представляют возможные результаты ликвидации барьеров и что ликвидация нетарифных барьеров сама по себе бессмысленна без соответствующих мер по повышению эффективности, рационализации и выигрыша для производителей.

Иначе говоря, реальные оценочные данные статических эффектов должны были быть существенно ниже. Тем более что реально достигаемые показатели роста ВВП в период после введения в действие программы единого рынка оказались далекими от предсказанных: вместо прогнозируемого роста ВВП на 4,5 % (вариант без сопутствующих мер экономической политики) реально в 1994 г. было 1,3 %, 1995 г. – 2,1 %, 1996 – 1,8 %, 1997 – 2,7 %, 1998 – 2,9 %. Однако, с другой стороны, учет динамического эффекта в ходе реализации ПЕР увеличивает влияние на ВВП, предсказанное в докладе Чеккини, на существенную величину – от 40 до 3900 % и может прибавить на постоянной основе к темпам роста в долгосрочном периоде 0,28–0,92 п.п. при расчетах на основе модели Ромера (Romer) и 0,31–0,81 п.п. в модели эндогенных инноваций [14].

Под влиянием вышеуказанной критики, с одной стороны, и совершенствования методологии оценки эффектов ПЕР – с другой, более поздняя попытка Еврокомиссии определить влияние ПЕР на рост ВВП указала на прирост ВВП в размере 1,1–1,5 %, или 60–80 млрд. экю, для 1994 г. [21, с. 166–167].

Однако и в более поздних исследованиях, мы находим значительную долю скепсиса относительно реального влияния интеграции на благосостояние и макроэкономические показатели в целом. Так, в частности, Р. Девисон (R. Davison) показал, как в реальной действительности происходило существенное отклонение от показателей, предсказанных в докладах, выполненных под эгидой КЕС. В частности, вместо оцененного роста ВВП на 174–207 млрд. экю для периода 1988–1994 гг. в докладе КЕС от 1996 г. было реально получено лишь 65 млрд. экю [22, с. 21]. При этом уровни занятости отчетливо снизились в течение 1990-х гг. в условиях единого европейского рынка. А в целом, по мнению автора, «политологи и экономисты должны задать вопрос, почему единый европейский рынок не

смог принести осязаемые выгоды в сферах торговли и занятости, и является ли модель интеграции ЕС, принятая в 1980-х и 190-х гг., адекватной в аспекте перспектив будущего экономического развития и роста занятости... В итоге, внутренний рынок породил значительную конвергенцию рынков, но малый рост рынков» [22, с. 39].

2. НАФТА

В некоторых работах утверждается, что имеется большой потенциал выигрыша от глубокой интеграции, даже для таких больших стран, как США и Канада, а для малых стран эффекты интеграции должны быть намного более значительными.

Так, в ранних исследованиях проблематики НАФТА (с использованием статических моделей) приходили к выводу, что выигрыш для Мексики будет наибольшим – от 2 до 5 % ВВП, тогда как для США – 0,1 %, Канады – вообще никакого выигрыша в сравнении с выгодами от двусторонней ЗСТ со США, введенной в действие с 1989 г. К примеру, в модели Brown, Deardorff, and Stern [15] устранение тарифных и нетарифных барьеров в НАФТА дает эффект для Мексики в размере 2,2 %, США – 0,1 %, Канады – 0,7 %, с учетом устранения барьеров для инвестиций в Мексике – соответственно, 5,4 %, 0,1 % и 0,7 %, но эти 0,7 % для Канады – эффект от либерализации торговли со США. Но учет в дальнейшем двух динамизирующих эффектов (от приспособления рынков труда и потоков инвестиций) ведет к увеличению выигрыша для Мексики до 5–11 % ВВП [33].

В модели J. Romalis [41] эффекты от НАФТА практически отсутствуют для США и Канады и слабо отрицательны (–0,3 % ВВП) для Мексики. А в альтернативной модели [36] статистически значимый эффект, наоборот, установлен лишь для экономики Канады.

Однако, при использовании комбинированной модели (гравитационной и общего равновесия) возможный прирост благосостояния от ЗСТ в рамках НАФТА был оценен в размере всего 0,1 % для Канады и США, а для Мексики эффект оказался вообще отрицательным (–0,3 %), в основном (–2,5 %) из-за ухудшения условий торговли при снятии мексиканских тарифов (это связано с асимметричным характером тарифов – значительно более высоким их уровнем на импорт в сравнении с экспортом страны и значительным превышением нетарифными, особенно пограничными, барьерами тарифных барьеров, что ослабляет эффект тарифной либерализации) [11]. Впрочем, другое исследование [34] указывает на положительное воздействие интеграции в НАФТА для Мексики (утроение мексиканского экспорта в США и Канаду в долларовом исчислении за 10 лет с 1993 по 2002 г.; существенное возрастание потоков ПИИ в Мексику – с \$12 млрд. в 1991–1993 гг. до \$54 млрд. в 2000–2002 гг.; при этом экспорт содействовал росту ВВП на 3 процентных пункта, а инвестиции – еще на 1,5 п.п. в течение периода 1996–2002 гг. При этом произошло существенное возрастание совокупной производительности факторов производства, что позволило удвоить темп роста ВВП со средних 2 % в год в 1980–1993 гг. до 4 % в 1996–2002 гг. Из этого позитивного примера делается предположение о потенциально значительных эффектах для развивающихся стран создания ЗСТ обеих Америк.

Однако в еще одном специальном исследовании, посвященном Мексике [23], было обнаружено отсутствие заметного влияния тарифной либерализации внутри НАФТА на благосостояние домохозяйств.

3. МЕРКОСУР

Выигрыш стран – участниц МЕРКОСУР оценен в одном из выполненных специализированных исследований [27] в таком диапазоне: Аргентина – 1,8 % ВВП, Бразилия –

1,1 %, Уругвая – 2,3 % (в основном от снижения торговых издержек и торговых наценок) – что вряд ли представляет собой особо впечатляющий результат в свете широко разрекламированных интеграционных намерений этого объединения.

В исследовании проблем региональной интеграции в Америке с позиции МЕРКОСУР на основе модели ГТАР [18; 19], указывается, что эффект ЗСТ обеих Америк достаточно мал: он создает эффект благосостояния в размере \$1984 млн., в т.ч. завершение МЕРКОСУР – \$682 млн., доступ его стран-членов на прочие рынки Америки – \$2629 млн., открытие их экономики для импорта из других стран Америки – минус \$418 млн., либерализация среди третьих стран Америки – минус \$909 млн. А в случае создания ЗСТ без участия МЕРКОСУР чистый эффект будет вообще отрицательным, но достаточно малым по величине. В процентах от объема потребления этот эффект от формирования ФТАА выразится для Аргентины в 0,28 %, Бразилии – 0,25 %, США – 0,10 %, Канады – 0,23 %, а для Уругвая и Чили принесет потери в размере –0,04 и –0,12 %, соответственно.

4. АСЕАН и АТЭС

Для региональной интеграции в азиатском регионе, прирост благосостояния от создания ЗСТ в рамках АСЕАН оценивается одним из исследований [28] лишь около 0,5 % ВВП, для формата АСЕАН +1 (Китай) – более 1,5 % ВВП, АСЕАН+3 – 2 % ВВП и АСЕАН+6 – почти 2,5 % ВВП.

В специальном докладе по данному вопросу [42] указывается, что широкая восточноазиатская ЗСТ увеличит совокупный ВВП региона, как минимум, на 1,18 % (для стран АСЕАН – на 3,64 %, а Китая, Японии и Кореи – всего на 0,92 %), а экономическое благосостояние – на \$104,6 млрд. (для АСЕАН – \$37,7 млрд., Китая, Японии и Кореи – \$66,9 млрд.), хотя эти величины, как указано, могут недооценивать реальные выгоды из-за ограничений модели.

Самые последние оценки, полученные при помощи усовершенствованных вычислимых компьютерных моделей общего равновесия относительно перспектив создания в регионе в различных вариантах ЗСТ [32], показывают, что такие эффекты до 2017 г. могут колебаться в зависимости от варианта ЗСТ: более широкие по охвату ЗСТ приносят больший размер эффекта (\$19–63 млрд. в ценах 2001 г. для ЗСТ в составе АСЕАН+1; \$228 млрд. – АСЕАН+3 и \$285 млрд. – АСЕАН+6⁵). Однако и совокупные потери для третьих стран больше для варианта АСЕАН+6 (\$25 млрд.); для АСЕАН+3 они равны \$14 млрд., а АСЕАН+1 минимальны (\$5 млрд. при участии Кореи, \$9 млрд. – Японии) или вообще отсутствуют для участия Китая (баланс выгод и потерь положителен для третьих стран в целом – 19 млрд.). В терминах процента прироста доходов это означает для стран АСЕАН выигрывать в размере 0,68–3,72 % при разных вариантах формата АСЕАН+1, 5,23 % – АСЕАН+3 и 5,66 % – АСЕАН+6.

Еще одно недавнее исследование по этому вопросу [12] показало, что для АСЕАН создание ЗСТ в его рамках дает мизерный эффект: по разным сценариям расчетов от – 0,01 до +0,09 % прироста реального ВВП; для формата АСЕАН+3 этот эффект возрастает до 0,23–0,36 % ВВП; АСЕАН+6 – 0,25–0,39%. Но что показательно и отсутствовало в ранее приведенных расчетах, дальнейшее расширение ЗСТ до формата Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) дает прирост на уровне 0,33–0,53 % для АСЕАН и 0,09–0,15 % для самого АТЭС, а создание глобальной свободной торговли – 0,52–0,78 % для АСЕАН и 0,16–0,25 % для АТЭС.

⁵ «+1» – одна из трех стран: Китай, Р. Корея и Япония; «+3» – все они, вместе взятые; «+6» – они же и Индия, Австралия, Новая Зеландия.

Выводы

Имеющиеся оценки, обобщающие мировой опыт, не дают достаточно убедительных, однозначных доказательств существенного позитивного влияния ЗСТ на благосостояние и экономический рост. Они свидетельствуют о наличии своего рода синдрома завышенных ожиданий относительно влияния различных форматов региональных экономических процессов, в т.ч. и процессов создания ЗСТ, на благосостояние и темпы экономического роста.

Получение значимых эффектов от указанных процессов, как правило, связано с активизацией внутренних процессов развития и структурных изменений, которые зависят от условий инвестирования и инновационных процессов, на что в немалой степени оказывают влияние конкретные условия, закладываемые в соглашения о ЗСТ и других формах региональной интеграции, а также активные меры национальной политики развития конкурентоспособности в более открытой рыночной среде, включая совершенствование соответствующих рыночных институтов.

Литература

1. Бураковський І. Теорія міжнародної торгівлі. – К.: Основи, 1996.
2. Бураковський І., Мовчан В. Зона вільної торгівлі з ЄС та Митний союз з Росією, Білоруссю та Казахстаном: чи можлива інтеграція України в обидва об'єднання одночасно // Фонд імені Фрідріха Еберта: Представництво в Україні. Відносини Україна – ЄС в умовах сучасних викликів: Щоквартальник. – Липень 2010. – № 2 (14). – С. 10–16 [Електронний ресурс]. – Доступно з: <<http://www.fes.kiev.ua/new/wb/pages/ukrajinska/publikaciji/ukrajina.php>>.
3. CASE, CASE Україна. Перспективи економічних відносин між Україною та Європейським Союзом / М. Якуб'як, А. Колесніченко (ред.) та ін. – К.: Центр соціально-економічних досліджень CASE Україна, 2006 [Електронний ресурс]. – Доступно з: <<http://www.case-ukraine.com.ua/u/publications/ac05f7af7aeb5f071616fcd5f85dfbe2.pdf>>.
4. Гринберг Р.С., Глинкіна С.П. Научная деятельность Института международных экономических и политических исследований РАН: раздел «Интеграция в мировую экономику и политику» // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / Отв. ред. С.П. Глинкіна; сост. И.И. Орлик. – СПб.: Алетейя, 2009 – С.317–336.
5. ECORYS Research and Consulting, CASE. Аналіз перспектив торговельних відносин між Україною та ЄС у контексті переговорів щодо розширеної угоди. – Роттердам, 13 грудня 2007 р. [Електронний ресурс]. – Доступно з: <<http://www.case-ukraine.com.ua/u/publications/85d698452e7dec523c4785a500298bf5.pdf>>.
6. Інститут економічних досліджень та політичних консультацій. Оцінка витрат та вигод від укладання угоди про зону вільної торгівлі між Україною та ЄС. – К.: К.И.С., 2010.
7. Мунтиян В.И. Решение об интеграции в Таможенный союз нужно принимать уже в первой половине года. – Коммерсантъ. Украина. – 2011. – № 54, 5 апреля.
8. Некипелов А.Д. Постсоциалистические трансформации: основные направления исследований // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / Отв. ред. С.П. Глинкіна; сост. И.И. Орлик. – СПб.: Алетейя, 2009.– С. 304–317.
9. Рут, Френклін Р., Філіпенко, Антон. Міжнародна торгівля та інвестиції / Пер. з англ. – К.: Основи, 1998.

10. Центр європейських політичних досліджень (CEPS), Брюссель, Інститут світової економіки (IfW), Кіль, Міжнародний центр перспективних досліджень (МЦПД), Київ. Перспективи поглибленої вільної торгівлі між Європейським Союзом та Україною: Остаточний текст, 16 лютого 2006 року [Електронний ресурс]. – Доступний з: <http://www.icps.com.ua/files/articles/43/19/Ukraine_EU_FTA.pdf>
11. Anderson, James E. and Wincoop, Eric van. *Borders, Trade and Welfare: NBER Working Paper 8515*. October 2001.
12. Ando, Mitsuyo. *Impacts of FTAs in East Asia: CGE Simulation Analysis: RIETI Discussion Paper Series 09-E-037* [Electronic resource]. – Available at: <<http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/09e037.pdf>>.
13. Ardy, Brian and El-Agraa, Ali. *The Economics of the Single Market // El-Agraa, A.M. (ed.). The European Union: Economics and Policies: 8th edition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 130–143.
14. Baldwin, Richard. *The Growth Effects of 1992: NBER Working Paper No. 3119*, September 1989.
15. Brown, Drusilla K., Deardorff, Alan V., and Stern, Robert M. *Estimates of a North American Free Trade Agreement*. Manuscript. Federal Reserve Bank of Minneapolis, 1994.
16. Buigies, P., Jacquemin, A. and Sapir, A. (eds). *European Policies on Competition, Trade and Industry: Conflict and Competition*. – Aldershot: Edward Elgar, 1995.
17. Catinat, Michael, and Italianer Alexander. *Completing the Internal Market: Primary Microeconomic Effects and Their Implementation in Macroeconometric Models*. – Brussels: Commission of the European Communities, 1988.
18. Cinve S.L. and Terra M.I. *Integration of the Americas: Welfare Effects and Options for the Mercosur*. – Universidad de la República (Uruguay), Documento No. 09/03, Noviembre, 2003. – P. 20, 22, 25 [Electronic resource]. – Available at: <<http://decon.edu.uy/publica/2003/Doc0903.pdf>>.
19. Cinve S.L. and Terra M.I. *Integration of the Americas: Welfare Effects and Options for the Mercosur*. – Washington, D.C., February 2004 [Electronic resource]. – Available at: <http://www.redmercosur.org.uy/>.
20. Commission of the European Communities. *Europe 1992: The Overall Challenge*. SEC (88) 524 final. – Brussels, 13 April 1988.
21. Commission of the European Communities. *Economic Evaluation of the Internal Market // Commission of the European Communities. European Economy. Reports and Studies*. – January 1996. – No.4. – P. 1–208.
22. Davison, Remy. *Re-Evaluating EU Integration: An Economic Assessment of the Impact of the Single European Market: CERC Working Papers Series (The University of Melbourne) No. 2/2000*.
23. De Hoyos, Rafael E. *North-South Trade Agreements and Household Welfare: Mexico under NAFTA*. April 13, 2007 [Electronic resource]. – Available at: <<http://www.anahuac.mx/gof/documentos/>>.
24. El-Agraa, A. M. (ed.). *Economics of the European Community: 3rd ed.* – New York: St. Martin's Press, 1990.
25. Emerson M. et al. *The Economics of 1992 // Commission of the European Communities. European Economy*. – March 1988. – No. 35. – P. 1–218.
26. Emerson, Michael. *The Economics of 1992: The E.C. Commission's Assessment of the Economic Effects of Completing the Internal Market*. – Oxford: Oxford University Press, 1988.

27. Flores, R. The Gains from MERCOSUR: A General Equilibrium, Imperfect Competition Evaluation // *Journal of Policy Modeling*. – 1997. – Vol. 19, No. 1. – P. 1–18.
28. Harrigan F., James W., Plummer M. and Zhai F. Bilateralism or Regionalism: Alternative Scenarios for Asian Trade Liberalization: Paper Prepared for Asian Development Bank Seminar 11–12 December 2006, Bangkok, Thailand [Electronic resource]. – Available at: <<http://www.adb.org/documents/events/2006/shaping-the-future/Harrigan-James-Plummer-Zhai-ppt.pdf>>.
29. Greenaway D. Intra-Industry Trade, Intra-Firm Trade and European Integration: Evidence, Gains and Policy Aspects // *Journal of Common Market Studies*. – 1987. – Vol.26, February. – P.153–172.
30. Grimwade, Nigel. Measuring the Impact of Economic Integration // El-Agraa. A.M. (ed.). *The European Union: Economics and Policies: 8th edition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 165–189.
31. International Centre for Policy Studies (ICPS), Kyiv. The Prospect of Deep Free Trade between the European Union and Ukraine: Report prepared in fulfillment of contract 2005/S 89-085795 of the European Commission's Directorate-General for Trade on the economic feasibility, general economic impact and implications of a free trade agreement between the European Union and Ukraine / Michael Emerson (Project Director) et al. – Brussels: Centre for European Policy Studies, 2006.
32. Kawai M., Wignaraja G. Regionalism as an Engine of Multilateralism: A Case for a Single East Asian FTA: ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 14, February 2008.
33. Kehoe, Patrick J., Kehoe Timothy J. Capturing NAFTA's Impact With Applied General Equilibrium Models // *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. – Spring 1994. – Vol. 18, No. 1 [Electronic resource]. – Available at: <http://www.minneapolis-fed.org/publications_papers/qr/>.
34. Kose, M. Ayhan, Meredith, Guy M., and Towe, Christopher M. How Has NAFTA Affected the Mexican Economy? Review and Evidence: IMF Working Paper WP/04/59. IMF, April 2004.
35. McKibbin, Warwick J. Dynamic Adjustment to Regional Integration: Europe 1992 and NAFTA // *Journal of the Japanese and International Economies*. – 1994. – Vol. 8, No. 4. – P. 422–453.
36. Mehanna, Rock-Antoine and Shamsub, Hannarong. Who is Benefiting the Most from NAFTA? An Intervention Time Series Analysis // *Journal of Economic Development*. – December 2002. – Volume 27, No.2. – P. 69–79.
37. Mercenier, J. Completing the European Internal Market: A General Equilibrium Evaluation under Alternative Market Structure Assumptions // M. Dewatripont and V. Ginsburgh (eds). *European Economic Integration: A Challenge in a Changing World*. – Amsterdam: North Holland, 1994. – P. 117–146.
38. Molle, Willem. *The Economics of European Integration: Theory, Practice, Policy: 5th edition*. – Aldershot Hants, England – Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2006.
39. Neuberger, H. *The Economics of 1992*. – London: Socialist Group of the European Parliament, 1989. – P. 1–15.
40. Pelkmans, J. and Winters, L. A. *Europe's Domestic Market*. – London: Macmillan, 1988.
41. Romalis, John. NAFTA's and CUSFTA's Impact on International Trade // *The Review of Economics and Statistics*. – 2007. – Vol. 89, Issue 3. – P. 416–435.

42. Towards an East Asia FTA: Modality and Road Map: A Report by Joint Expert Group for Feasibility Study on EAFTA. July 22, 2006 [Electronic resource]. – Available at: <http://www.thaifta.com/ThaiFTA/Portals/0/eafta_report.pdf>.
43. Viner J. The Customs Union Issue. – New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950.